

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 46

1954

Маргарита АЛИГЕР

Ч Е Л О В Е К У
В П У Т И

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»
М О С К В А

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 46

Маргарита АЛИГЕР

ЧЕЛОВЕКУ В ПУТИ

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1954

Маргарита АЛИГЕР

Маргарита Иосифовна Алигер родилась в 1915 году в Одессе. Среднюю школу окончила в Москве в 1932 году. Работала библиотекарем, литсотрудником заводской многотиражки. С 1934 года училась в Литературном институте имени А. М. Горького. Начала печататься в 1933—1935 годах в журналах «Огонек» и «Знамя». Первая книга вышла в 1938 году.

В июне 1941 года, в первые дни Отечественной войны, М. Алигер была принята в кандидаты, а через год — в члены КПСС. В годы войны работала в газете военно-воздушных сил «Сталинский сокол», выезжала на фронты.

Поэма М. Алигер «Зоя» в 1943 году была удостоена Сталинской премии второй степени.

Вышли в свет следующие книги Маргариты Алигер: «Год рождения» (1938), «Железная дорога» (1939), «Камни и травы» (1940), «Памяти храбрых» (1942), «Зоя» (1943 — первое издание, впоследствии поэма неоднократно переиздавалась), «Лирика» (1943), «Стихи и поэмы» (1944), «Твоя победа» (1946), «Сказка о правде» (1947), «Избранное» (1947), «Первые приметы» (1948), «Ленинские горы» (1953).

На сцене советских театров шли пьесы М. Алигер: «Сказка о правде» и «Первый гром».

ИЗ ЦИКЛА «ЧЕЛОВЕКУ В ПУТИ»

1

Я хочу быть твоею милой,
я хочу быть твоею силой,
свежим ветром,
насущным хлебом,
над тобою летящим небом.

Если ты собьешься с дороги,
брошусь тропкой тебе под ноги, —
без оглядки иди по ней.
Если ты устанешь от жажды,
я ручьем обернусь однажды,
подойди, наклонись, испей.

Если ты отдохнуть захочешь
посредине крошечной ночи,
все равно — в горах ли, в лесах ли —
встану дымом над кровлей сакли,
вспыхну теплым цветком огня,
чтобы ты увидал меня.

Всем, что любо тебе на свете,
обернуться готова я.
Подойди к окну на рассвете
и во всем угадай меня.

Это я, вступив в поединок
с целым войском сухих травинок,
встала лютиком у плетня,
чтобы ты пожалел меня.

Это я обернулась птицей,
переливчатой синицей,
и пою у истока дня,
чтобы ты услышал меня.

Это я в оборотном свисте
соловья.

Распустились листья,
в лепестках — роса.

Это — я.

Это — я.
Облака над садом...
Хорошо тебе?

Значит, рядом,
над тобою — любовь моя.

Я узнала тебя из многих,
нераздельны наши дороги,
понимаешь, мой человек?
Где б ты ни был, меня ты встретишь,
все равно ты меня заметишь
и полюбишь меня навек.

2

Мне раньше казалось, что наша любовь — это дом,
под маленьким небом поставленный нами с трудом.
Там сброшена ноша, озябшие руки согреты,
там милые вещи, уюта смешные приметы.
Прозрачное дерево тихо дрожит у порога,
и, может быть, тут и кончается наша дорога.

Потом я решила, что наша любовь — это сад,
где ясные дни на коричневых ветках висят,
где каждый росток существует спокойно и мудро,
где круглые сутки — осеннее раннее утро.
А тихое небо, знакомое, наше, такое,
что кажется, облачко можно поправить рукою.
И дождиком пахнет, и слушают ветер травинки,
из мхов и кустарников в мир вытекают тропинки.

Теперь я уверена: наша любовь — это путь,
чуть видная тропка и снова большая дорога,
ночевки под звездами, вздох, наполняющий грудь,
усталость и счастье — сладчайшая в мире тревога.
Нам служит пристанищем наша большая земля.
Взлетают рассветы... Сырые брезенты палаток...
В туманных долинах дымок кочевого жилья
и легких заплечных мешков дорогой беспорядок.
Пусть камни теснятся, пусть скачет и плачет вода.
Пусть ливни, и громы, и радуга, словно ворота.
Пусть наша любовь остается такой навсегда,
вперед уводя неразгаданностью поворота.

1939.

С пульей в сердце
я живу на свете.
Мне еще не скоро умереть.
Снег идет.
Светло.
Играют дети.
Можно плакать,
можно песни петь.

Только петь и плакать я не буду,
в городе живем мы, не в лесу.

Ничего, как есть, не позабуду.
Все, что знаю, в сердце пронесу.

Спрашивает снежная, сквозная,
светлая казанская зима:

- Как ты будешь жить?
- Сама не знаю.
- Выживешь?
- Не знаю и сама.

- Как же ты не умерла от пули?
- От конца уже не далеке
я осталась жить.

Не потому ли,
что в далеком камском городке,
там, где полночи светлы от снега,
где лихой мороз берет свое,
начинает говорить и бегать
счастье и бессмертие мое.

— Как же ты не умерла от пули,
выдержала огненный свинец?

— Я осталась жить.

Не потому ли,
что, когда увидела конец,
частыми, горячими словами
сердце мне успело подсказать,
что смогу когда-нибудь стихами
о таком страданье написать.

— Как же ты не умерла от пули?
Как тебя удар не подкосил?

— Я осталась жить.

Не потому ли,
что, когда совсем не стало сил,
увидала
с дальних полустанков,
из забитых снегом тупиков,
за горами
движущихся танков,
за лесами
вскинутых штыков
занялся,
забрёзжил
День победы,
землю осенил своим крылом.

Сквозь свои
и сквозь чужие беды
в этот день пошла я напролом.

1941.

МУЗЫКА

Я в комнате той,
на диване промятом,
где пахнет мастикой и кленом сухим,
наполненной музыкой и закатом,
движеньями,
голосом,
шумом твоим.

Я в комнате той,
где смущенно и чинно
стоит у стены, прижимается к ней
чужое, заигранное пианино,
как маленький памятник жизни твоей.
Всей жизни твоей.

До чего же немного!
Неистовый,
жадный,
земной,
молодой,
ты засветало вышел.
Лежала дорога
по вольному полю,
над ясной водой.
Все музыкой было —
взвивался ли ветер,
плескалась ли рыба,
текла ли вода,
и счастье играло в рожок на рассвете,
и в бубен безжалостный была беда.
И сердце твое грохотало, любило,
и в солнечном дожде смея и слез
все музыкой было, все музыкой было,
все пело, гремело, летело, рвалось.
И ты,
как присягу,

влюбленно и честно,
почти без дыхания слушал ее.
В победное медное сердце оркестра
как верило бедное сердце твое!

На миг очутиться бы рядом с тобою,
чтоб всей своей силою, нежностью всей

и не было звуков над миром грозней.
И, музыки чище и проще не зная,
ты, раненный в сердце,

что все-таки быть еще счастьем
и жить,
как ты научил меня,
полною мерой,
себя не умея беречь и делить.
Всем сердцем и всем существом в человеке,
страстей и порывов своих не тая,
так жить,
чтоб остаться достойной навеки
и жизни
и смерти
такой, как твоя.

1942.

ХОЗЯЙКА

Отклонились мы маленько.
Путь — дороги не видать.
Деревенька Лутовенька —
до войны рукой подать.

Высоки леса Валдая,
по колено крепкий снег.
Нас хозяйка молодая
приютила на ночлег.

Занялась своей работой,
самовар внесла большой,
с напускною неохотой
и открытою душой.

Вот ее обитель в мире.
Невеселый, тусклый быт.
— Сколько деток-то?

— Четыре.

— А хозяин где?

— Убит.

Молвила и замолчала
и, не опуская глаз,
колыбельку покачала,
села прямо против нас.

Говорила ясность взгляда,
проникавшего до дна:
этой жалости не надо,
эта справится одна.

Гордо голову носила,
плавно двигалась она
и ни разу не спросила,
скоро ль кончится война.

Неохоча к пустословью,
не роняя лишних фраз,
может, где-то, бабьей кровью,
знала это лучше нас.

Знала тем спокойным знаньем,
что навек хранит народ,—
вслед за горем и страданьем
облегчение придет.

Чтобы не было иначе,
кровью плачено большой.
И она живет, не плачет,
устоявшая душой.

И она живет, не хочет
пасть под натиском беды.
Мы легли, она хлопочет,—
звон посуды, плеск воды.

Вот и вымыта посуда.
Гасит лампочку она.
А рукой подать отсюда —
продолжается война.

Пусть же будет трижды свято
знамя гнева твоего,
женщина, жена солдата,
мать народа моего!

1943.

* * *

Слезу из глаз, как искру из кремня,
хорошим словом высечь — что за диво!
Не в этом дело. Слово не огниво,
и не слезой людское сердце живо.
Совсем не это мучает меня.

Встать на рассвете, на пороге дня,
сказать вперед шагающим:
— Счастливо!

Отдать им песню, полную порыва,
хранящую, как верная броня,
от слов, звучащих праздно и фальшиво.
Спросить с людей не искры, а огня.
1946.

СЧАСТЬЕ

День прошел, и девочки уснули.
Тишиной повеяло. На стуле
голубые фартучки закрыли
маленькие ситцевые крылья.

Что вам снится? Моря летний берег?
Азбука? Грибы? Районный скверик?
Кот соседский? Новые салазки?
Накануне слышанные сказки?
Сны колышут белые кровати...

Отодвину в сторону тетрадки,
постою у тихого порога,
детский сон послушаю немного,
подышу родною теплотой,
потолкую со своей мечтой.

У меня она совсем простая,
каждому понятная:
 чтоб дети
не видали горя, вырастая,

чтоб получше им жилось на свете.
Чтобы полон был мирок ребячий
радостей, забав, любви горячей.

Чтобы все тяжелые работы
мы успели переделать сами,
чтобы до конца свели мы счёты
с нашими старинными врагами.

Это наше счастье — быть бойцами,
чтобы вы могли гордиться нами.
Ваше счастье — это наша слава.
Только нет у нас такого права,
нет у нас в роду таких традиций
с младшими достатком не делиться.

Стало быть, пускай вам с малолетства
мужество достанется в наследство.
Пусть в любимом озаренном доме,
посреди веселых игр и книжек,
проступают знаки: мир огромен,
он еще в огне, в неправде, в громе,
только часть его свободно дышит.
Пойте и любите наши песни!
Если мы не довоюем, если
вам кончать, — пусть знают все на свете,
где вы выросли и чьи вы дети!

Как же уместить в душе ребячьей
куклу с золотыми волосами,
дальний путь с ночными голосами,
справедливость с точными весами,
вечность с быстролетными часами?
Это очень трудная задача.
Матери ее решают сами.

Тридцать лет назад тому стояла
мать моя, с надеждами, с любовью
к моему склоняясь изголовью,
только той судьбе, что мне желала,
точного названия не знала.

Я счастливей со своей мечтою;
может, позже тридцатью годами,
у своих родных постелек стоя,
будут дочки вспоминать о маме,
выраставшей в дни Советской власти,
твердо знавшей, как зовется счастье.

...Осторожно штору приоткрою.
Яркой вспышкой небо озарится.
Что это? Огни далеких строек?
Коммунизма близкая зарница?

Ночь на миг дыхание задержала.
Город спит... Наполнен воздух снами...
И тридцатилетняя держава
бережно склоняется над нами.

1947.

НА БЛИЖНИХ ПОДСТУПАХ

I

Что не по нас — мы скажем иногда:
— При коммунизме будет по-другому.
А по-какому?

Движутся года.

Путь в будущее, как дорога к дому.
К родному дому ленинской мечты.
К родному дому сталинского плана.
Что это значит?

Это я и ты,
все, чем мы живы, все, что нам желанно.

Чем ближе, чем виднее этот дом,
тем реже рассуждаем мы о том,
какими он нас встретит чудесами.
Ведь нам за все придется отвечать,
хозяева не выйдут нас встречать:
мы будем там хозяевами сами.

Мы первые откроем этот дом,
распахнутые комнаты заселим
рабочей мыслью, праздничным трудом,
чудесным вдохновеньем и весельем.
Пересмотри же кладь своей души,
товарищ мой, к чужим ошибкам строгий,
сам разберись, подумай и реши,
что брать с собой,
что бросить по дороге.

II

Не думай, что разбудят нас
однажды, поздно или рано,
чтоб указать нам точный час
и день осуществленья плана.
Не пробуй из газет и книг
узнать точней об этом часе.
А хочешь видеть первый миг,
чем он отличен, чем прекрасен,
его зарю, его восход —
будь пристальней — пора настала! —
гляди вокруг, спешి вперед,
живи на свете, как живет
твоя держава, твой народ,
затем, что вот оно, начало!

III

Что там, за четвертой пятилеткой?
Цель все ближе. Выверен маршрут.
В будущее первую разведкой
стал людской самозабвенный труд.

И настолько замыслы огромны,
что сдается сердцу иногда:
тот чугуны, что нынче варят домны,
та, вчера добытая руда,
уголь, подаваемый по штрекам,

лес, который движется по рекам,—
это все идет уже туда,
в те почти что зримые года.

Срубленное дерево не вянет,
с новою встречается судьбой
и уже при коммунизме станет
домом или дымом над трубой.

Именно затем из пепла встали
светлые цеха Запорожстали,
чтоб воздать строителям добром.
Эту сталь года не затуманят,
и она при коммунизме станет
самолетом, трактором, пером.

Ученик в ремесленной спецовке,
что пришел к машине лишь вчера,
учится расчету и сноровке,
маленький, смекалистый и ловкий.
У него особая примета,
он в коммунистические лета
вырастет в большие мастера.

И от непрестанного движенья
воздуха, которым я дышу,
все крепчает в сердце ощущение:
лучшее свое стихотворенье
я при коммунизме напишу!
1948.

ПЕРЕД ЗАРЕЙ

Ни с того, ни с сего
ты сегодня приснился мне снова —
перед самой зарей,
когда дрогнула мгла,—
и негромко сказал мне
хорошее, доброе слово,
и от звука его
я проснулась
и больше уснуть не могла.

Чтоб его не забыть,
я почти без движенья лежала.
Занимался рассвет,
в петушьи трубы трубя...
Вот и минула ночь!
А ведь я за нее возмужала.
До нее мне казалось,
что я разлюбила тебя.
1949.

НА ВОСХОДЕ СОЛНЦА

Первый шорох, первый голос
первого дрозда.
Вспыхнула и откололась
поздняя звезда.
Все зарделось, задрожало...
Рассвело у нас...
А в Америке, пожалуй,
сумерки сейчас.
Но, клубясь по всей Европе,
отступает ночь...
Новый день зарю торопит,
ждать ему невмочь!
Мы с тобой стоим у входа
завтрашнего дня.
Ощущение восхода
молодит меня.
Так на том и благодарствуй,
ранняя заря,
утреннее государство,
родина моя!
1948.

МАЯК

От рыбзавода запахи хамсы.
Работает в порту землечерпалка.
Сигналист маячок.
Идут часы,
как говорят, не шатко и не валко.

Поди пойми: зима или весна,
когда такая синь над головою...

У нас стоит не елка, а сосна,
и пахнет, словно в роще под Москвою.
День уступил.

За окнами течет
глубокий, звездный вечер новогодний.
Сигналил работяга-маячок,
передохнуть не смеет и сегодня.
Своим немногословным языком
зашедшим в нашу бухту пароходам
он говорит пунцовым огоньком:
«Я здесь, друзья!

Смелее!

С Новым годом!»

А в доме дети пляшут и поют,
и музыка московская играет,
и стол накрыт, и праздничный уют
еще кого-то в гости ожидает.
Кого нам ждать?

Чудес на свете нет.

Друзья далеко,—

те, что близко, в сборе.

Двенадцать бьет.

Кидаясь в парашет,
гремит уже невидимое море,
и, светом жизни разгоняя мглу,
курортный городок в ложбине горной
нет-нет и зажигает на молу
живой надежды огонек упорный.
Без маяка на свете не живут,
не странствуют,

не плавают по водам.
Гори, гори, давай мне знак:

«Я тут!

Я здесь, дружок!

Смелее!

С Новым годом!»

1952.

ИЗ ЦИКЛА «ЛЕНИНСКИЕ ГОРЫ»

Начало

Стоит послевоенный третий год.
В Нескучном распускается береза...
На Ленинских горах еще растет
картошка подмосковного совхоза...
На высоту, что испокон веков
глядела вдаль, насколько видно взгляду,
привел в тот год товарищ Воронков
строительную первую бригаду.
И вот за огородами, в саду,
палатку развернули, шумно стало...
Так начали в сорок восьмом году
строительство.

Но это не начало.

Начало было раньше.

Не тогда ль,
когда однажды, из машины выйдя,
торжественно распаханную даль
ученый вдруг по-новому увидел.
— Как хорошо! —

он спутникам сказал. —
Как дышится! Какие кругозоры!
Здесь будем строить. Место указал
товарищ Сталин. Ленинские горы!
Высоко. Над Москвой. Как на посту.
...И шар воздушный ветром чуть качало.
По шару замечали высоту
строительства.

Но это не начало,
Начало было раньше.

Гром войны
едва умолк за Одером и Шпрее.
Под сводом наступившей тишины
гул мирной стройки что ни час слышнее.
Послевоенный пятилетний план
Стране Советской, как путевка, дан.
Учиться в вузы хлынул океан,
и Несмеянов —

он еще в те лета

не президент, не ректор, а декан
химического факультета —
надеется, рассчитывает, ждет,
что новый корпус химии заслужат...
Куда как тесно стало в этот год!
Но молодежь и в тесноте не тужит.
Фронтовики! В землянках сколько лет!
Неужто ж тесно в этом добром доме?
Шумит Московский университет...
...Но вот в Кремле на деловом приеме
встречаются ученые страны.
Товарищ Сталин крепко жмет им руки.
Отчетливо и далеко слышны
его слова о будущем науки.
Она ведь тоже выдержала бой.
...И Несмеянову, как будто к слову:
— Наверно, тесно вам на Моховой?
Зачем тесниться? Будем строить новый.
Подумайте о здании большом.
Посмотрим вместе.

Давние проекты
дополнив, исчеркав карандашом,
надеждой окрыленный новый ректор
приходит в Кремль,
как перед боем в штаб.

Но Сталин смотрит:

— Почему так мало? —

И сам дает неслышанный масштаб
строительства.

Но это не начало.

Начало было много лет назад.
...Октябрьской революции раскат.
Декрет о мире сталью подписали
товарищ Ленин и товарищ Сталин,
рабочий, хлебопашец и солдат.
Весна республики.

Двадцатый год
еще сражается неутомимо,
на западе белополяков бьет
и выгоняет Врангеля из Крыма.
Еще он зябнет, на привалах ест

сухую воблу, мерзлую картошку,
в Москву на Третий комсомольский съезд
ребят он собирает в путь-дорожку.
А ну, столица, принимай гостей
со всех фронтов, уездов, волостей,
встречай и привечай их чем богата!
Победой Октября окрылены,
в его огне, как сталь, закалены
великой революции орлята.
Все переделать,

изменить,

постичь!

Всем овладеть затем, чтоб поделиться.
Взрыв радости:

Ильич пришел!

Ильич!

Он говорит:

— Товарищи!

Учиться!

Еще гудит гражданская война,
республика еще разорена,
еще измена тут и там гнездится.
Грохочет Третий комсомольский съезд,
и ленинская речь звучит окрест.
Он говорит:

— Товарищи!

Учиться!

Голодные солдатские пайки.
Времянок неуютные дымки.
Блокадами пугает заграница.
Но в будущее вера горяча,
и слышит юность голос Ильича.
Он говорит:

— Товарищи!

Учиться!

О, ленинской руки бессмертный жест!
Как он широк, как мир вокруг огромен!
Грохочет Третий комсомольский съезд,
и делегаты вскакивают с мест
в едином вдохновенье и подъеме.

И вот тогда, из глубины первых лет
шагнув на неоглядные просторы,
мы заложили университет,
поставленный на Ленинские горы.
1951.

Липа

На груди ее табличка:
год рождения и лесхоз.
Малолетка-невеличка,
как ты вынесла мороз?
Как живешь ты тут?

— Не шибко...

Так себе, как говорят... —
Знаешь, ты похожа, липка,
на рогачик, на ухват.
Только ты не обижайся,
я ведь это все любя.
Стой и по ветру качайся,
не сломает он тебя.
Скоро станут дни длиннее,
снег растает и сойдет,
почки выбросит аллея,
зашумит и зацветет.
Даже ты, смешной рогачик,
выдашь первую листву.
Люди скажут:

— Это значит,
дело близко к торжеству.

Стройка университета
завершается, дружок.
Даже ты за это лето
станешь выше на вершок,
гордо веточки расправишь,
вся потянешься вперед,
со строителями справишь
окончание работ.
Время мчится — не заметишь.
Вырос университет!
Ты студентов первых встретишь,
лист уронишь им вослед.

Жизнь пойдет обычным ходом...
За зимой опять весна...
Липа выше с каждым годом,
все кудрявее она.
Будет небо голубое...
Будут силы прибывать...
Может статья, под тобою
будет лавочка стоять.
И горячею порою
экзаменационных дней
на нее присядут двое
молодых, как ты, людей.
Может, трудностей робея,
растерялись вдруг они?
Ты тогда листвою своею
веселее позвени.
Расскажи им, как сначала
унывала ты не раз,
как метель тебя качала,
как ты все же устояла,
вон какая поднялась!
И, качая головою,
подбодри ты тех ребят.
Только, может, эти двое
не о том заговорят.
Может, люди молодые
с университетских гор,
поведут они впервые
сокровенный разговор.
Первым чувствам не мешая,
ты тогда замри совсем.
Пусть живет любовь большая,
не спугни ее ничем.
Пусть ей хватит сил горячих
на ее крутом пути...

Липа, деревце-рогачик,
выстой,
выдержи,
расти!

1952.

Люся

Третьи сутки дождь на белом свете.

После лекции на Моховой
Люся съела булочку в буфете,
позвонила второпях домой:
— Бабушка, не жди меня к обеду!
Очень поздно. Я на стройку еду.
Ничего особенного нет!
Я же в ботах, что за разговоры!

Остановка Ленинские горы,
новый люсин университет.

Торопясь, волнуясь, хорошея,
Люся шла к нему, не чуя ног.

От ворот взяла она левее,
повернула в третий городок.
Чуть сойдя с асфальтовой дороги,
угодила в грязь.

Какая страсть!
Месиво! Болото! Вязнут ноги.
Только б не споткнуться, не упасть!
Ботики полны холодной жижи.
Верная простуда... Леший с ней!

С каждым шагом Люся к цели ближе,
с каждым шагом Люсе все страшней.
Знать бы наперед, какие люди...
Как она войдет? С чего начнет?
Вдруг она собьется, все забудет,
слов простых и нужных не найдет?
Очень страшно.

Не ходить?

А надо.
Дождь и слякоть... И дворца-то нет...
Люся оглянулась — с нею рядом
возвышался университет.
Он светился.

Показалось Люсе,
будто он дает ей знак: иди,

не оглядываясь и не трусая,
для тебя я всюду впереди!
Нам с тобой еще делить годами
общие тревоги и труды...

У крыльца шумит поток воды.
И между огромными следами
маленькие люсины следы.

Приоткрыта дверь в конце барака.
Восемь коек, восемь шоферов.
Двое спят, умаялись, однако
радио грохочет будь здоров!
Ранний вечер. Собрались ребята.
Видимо, погода виновата.
Пишут письма, режутся в «козла»,
курят, спорят...

Люся-агитатор
постучалась в двери и вошла.
В первый раз.

И сразу оробела.
Люди наработались с утра...
Агитатор? Раз такое дело,
окружили Люсю шофера.
Озорные парни, забияки.
На подбор ребята. Молодежь!
Все равно ведь дождь, сиди в бараке.
Можно и послушать, отчего ж?

Сели, закурили папиросы...
Можно будет задавать вопросы
с подковыркой,

время провести...
Агитатор шупленький, курносый,
ростом мал — неплохо б подрасти.

Люся с ходу вынула тетрадку,
две брошюры, несколько газет
и заговорила по порядку —
ничего особенного нет! —
пряча робость за газетной фразой,
кашляя от дыма папирос.

Вдруг вмешался парень черномазый:
— Извиняюсь, есть один вопрос.
Так сказать, о нашем личном деле.
Если можно...

Парни загалдели,
парни закусили удила:
— Мы газеты читаем сами.
Как со сверхурочными часами?
С премиями тоже как дела?
Почему задержана зарплата?
Почему срываем план опять?

И сидела Люся виновато,
красная, не зная, что сказать,
маленькая, с мокрыми ногами,
не студентка, школьница скорей,
и, как в детстве, к бабушке и к маме
на секунду захотелось ей.
Нет уж, брат! Ни от чего на свете
прятаться нельзя. Гляди в упор!
Надо разобраться. Кто в ответе?
Что же в комсомольском комитете
ничего не знают до сих пор?

Самый старший глянул, все заметил,
выручил, вмешался в разговор.
С бузотерами переглянулся,
дескать, пошумели — и конец,
и спросил:

она с какого курса,
где живет и есть ли мать-отец?

И, ломая уголок тетради,
Люся отвечала, как зачет:
с матерью и с бабушкой живет,
а отца убили в Сталинграде.
С этой осени на биофаке
первый год... Закончила она
еле слышно...

Но уже в бараке
ясная стояла тишина.
Смолкли, призадумались ребята,

и сидела Люся среди них,
младшая сестренка, дочь солдата,
худенькая, в ботиках худых.

Их сушили на электроплитке.
Ты сиди, девчушка, не скучай!
Заглянули в чайник — больно жидкий.
Заварили живо свежий чай.
Бутерброды, пряники и сушки,
сбегали, из чайной принесли
и для гости вместо толстой кружки
тоненькую чашечку нашли.
Хорошо! Какая там простуда!

Угощали Люсю вперебой,
рассказали Люсе, кто откуда,
звали на строительство с собой.
Пусть она посмотрит все работы.
В высоту растем, врагам на страх!
Мы тут старожилы, патриоты,
первые на Ленинских горах.
С первой, понимаешь ли, лопаты.
Ох же, и досталось в первый год!
Ну, а что до премий, до зарплаты, —
сами мы во многом виноваты.
Говоря по совести, ребята,
кто работает, — свое возьмет.
Если что идет еще не гладко, —
стройка ведь какая — в первый раз!
Если в чем и нет еще порядка, —
это ведь зависит и от нас.
Приезжай сюда во время смены,
погляди, пройдишь по этажам...

И сказала Люся:

— Непременно!

Да и вы заехали бы к нам.
Теснота у нас, сказать по чести.
Задыхаемся на Моховой.
Только и мечта о переезде.
Приезжайте, мы походим вместе.
А сегодня мне пора домой.

Натянули парни сапожищи,
проводили Люсю, где почище,
по мосткам, за банями, в обход.
Люся шла и бойко грязь месила,
новая и радостная сила
весело несла ее вперед.
Падал дождь, и дули ветры с юга,
и весною пахло от земли.
Два хороших, два надежных друга
девочку к троллейбусу вели.
И стоял за пеленой летучей
стройный, многобашенный, могучий,
новый люсин университет.
И мерцал, далеко видный с кручи,
трудовой московский мирный свет.
Люся шла, и было с нею рядом
все, за что на битву выходил,
все, что отстоял под Сталинградом
люсин папа, младший командир.

1953.

Юбилей

Лет, предположим, через двадцать пять,
когда сомкнутся кронами аллеи,
твои питомцы вздумают справлять
очередную дату юбилея.
Они твоих строителей найдут.
Иные будут далеко в ту пору.
Они их всех на праздник позовут,
на юбилей, на Ленинские горы.

В те дни в Москве отыщется один
из группы исполнителей проекта,
доживший незаметно до седины
совсем не знаменитый архитектор.
Его найдут студенты без труда,
и он, польщенный, скажет молодежи:
— Еще бы!

Разумеется!

Ну да!

Я расскажу... Я помню... Отчего же...

А про себя подумает о том,
что бестолково он живет на свете.
Всю душу вложишь в каждый новый дом...
Все некогда... Все завтра... Все потом...
Лет десять не был в университете.
За эти годы, прямо говоря,
он положение мог занять и выше,
да не об этом думал... Может, зря?
Ведь вот и в академики не вышел.
С годами стал придирчивее взгляд.
Вокруг себя он вдруг посмотрит строже.
Да много ли ты сделал в жизни, брат?
О чем же ты расскажешь молодежи?
Подумать надо все-таки...

И вот
домой придет он после дня занятий
и вытащит затрепанный блокнот —
он куплен был в Бумсбыте на Арбате.
Он все в него записывал тогда,
прилежно, по студенческой привычке.
Отыщет он в блокноте те года,
листая пожелтевшие странички.
На них так много памятных замет,
хоть все в блокноте более чем скупо.

Записано:

«Позвали в Комитет.
Проект: Московский университет.
У нас довольно слаженная группа».

И он припомнит молодых друзей...
Иных уж нет на свете, а иные
здоровы, живы и до этих дней,
строительства возводят мировые.
Иные и не поняли тогда,
какой им славный выпал в жизни жребий.
...Шла по бульварам талая вода,
цветком казалось облако на небе.
Мимозой пахло в мире молодым.
В московских переулках было тесно.

Записано:

«Итак, высотный дом!
Мы приступаем. Очень интересно».

Рукой разгладив смятые листки,
припомнит он денечки боевые.
На набережной, у Москвы-реки,
трудились рудневские мастерские.
Шуршанье кальки... Быстрый говорок...
Проект пошел, поехал, покатился...

Записано:

«Чертовски малый срок.
Зачем на это Руднев согласился?»

В театр не сходишь, в теннис не сыграть...
Жена ворчала, обижались дети.
Беда пришла: в Орле хворала мать.
Он бросил все, примчался на рассвете,
но опоздал... Навеки. Навсегда.
И сердце защемило, как тогда.

Записано:

«Возни неупрочот.
Не справимся».

И поперек страницы:
«Вчера американский самолет
нарушил над Прибалтикой границы».

А за окном, как в дыме папирос,
над крышами, антеннами, садами
нескучными,
уже он рос и рос,
он рос, еще не вычерченный вами.
Уже гудел его стальной каркас,
нацеливаясь в новые высоты,
неумолимо спрашивая с вас
движенья, роста, прямоты, работы.
И люди забывали свой покой
в той комнате угольной, невысокой,
на набережной, над Москвой-рекой...

Записано:

«Проект закончен к сроку.
Премировали. Вывешен приказ.
Товарищ Сталин — что всего дороже —
хвалил проект и спрашивал про нас».

Так что же он расскажет молодежи?
Вот это и расскажет.

Как огни,
горят в душе две даты, два события,
вовек незабываемые дни —
конец проекта, торжество открытия.
И рядом суета и дребедень,
подробности той спешки, той запарки...

И, наконец, настанет этот день.
За ним придет машина новой марки.
Он спустится.

И через всю Москву
машина быстроходная помчится,
и человек увидит наяву
то, что сегодня может только сниться.
Сквозь всю Москву...

На первый юбилей...
По свежему накатанному следу,
по радиусам липовых аллей
спешат машины —

гости, гости едут!
Да можно ли гостями их назвать,
того, кто строил,

тех, кто тут учился,
тех, кто в Москве тому лет двадцать пять,
уже при нем, на белый свет родился?
Шумит-шумит его ровесник-сад,
цветами всех республик сладко вея...
Хозяева, хозяева спешат
от всей страны на праздник юбилея.
На площади встречает друга друг,
глаза горят, а головы седые.
И архитектор поглядит вокруг
взволнованно и зорко, как впервые.
И теплота его наполнит грудь,
дыханье сдавит, в горле защекочет...

Как в первый раз, увидит он свой путь,
прямой, нехитрый, честный и рабочий.
И что с того, что он на свете жил
других и неприметнее и тише,
что почестей больших не заслужил,
ведь вот и в академики не вышел.
И что с того, что он — на склоне лет,
когда,

одет керамикою белой,
стоит Московский университет,
как человек,

большой,
красивый,
смелый.

Стоит в потоке солнечных лучей
простых людей могучее творенье...
И не было обид и мелочей,
запарки, спешки — только вдохновенье!
Один порыв —

с востока бьющий свет —
в строительной пыли, в рабочих дымах,
гул сталинских животворящих лет,
тех юношеских, тех неповторимых —
в грядущее стремительный полет!

И человек, что честно жил и дожил,
легко на возвышение взойдет
и это и расскажет молодежи.

1951—1952.

СОДЕРЖАНИЕ

Из цикла «Человеку в пути»:

1. «Я хочу быть твоею милой...»	3
2. «Мне раньше казалось...»	4
«С пулей в сердце...»	5
Музыка	7
Хозяйка	9
«Слезу из глаз...»	11
Счастье	11

На ближних подступах:

I. «Что не по нас...»	13
II. «Не думай, что разбудят нас...»	14
III. «Что там, за четвертой пятилеткой?...»	14
Перед зарей	15
На восходе солнца	16
Маяк	16

Из цикла «Ленинские горы»:

Начало	18
Липа	21
Люся	23
Юбилей	27

Редактор — Г. ЯРЦЕВ.

А 06262. Подписано к печати 3/XI 1954 г. Тираж 150.000. Заказ 2717.

Изд. № 949. Формат бумаги 70 × 108¹/₂. 0,5 бум. л. — 1,37 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.

В книжных магазинах продаются

КНИГИ СТИХОВ

АВРАМЧИК М. **Совершеннолетие. Стихи.** Перевод с белорусского. «Молодая гвардия». 1953 г. 80 стр. Цена 2 р.

Албанские поэмы. Перевод с албанского. Издательство иностранной литературы. 1950 г. 78 стр. Цена 2 р. 50 к.

АИ ЦИН. **Весть о рассвете. Стихи и поэмы.** Перевод с китайского. Издательство иностранной литературы. 1952 г. 76 стр. Цена 1 р. 25 к.

БАЛАЕВ Т. **Пусть торжествует жизнь. Стихи.** Перевод с осетинского. «Молодая гвардия». 1952 г. 143 стр. Цена 2 р. 70 к.

ВОРОНЬКО П. **Стихотворения и поэмы.** Перевод с украинского. Гослитиздат. 1953 г. 282 стр. Цена 6 р. 60 к.

ВОСКРЕКАСЕНКО С. **Стихи.** Перевод с украинского. «Советский писатель». 1953 г. 104 стр. Цена 2 р. 05 к.

ГАВРИЛЮК А. **Песни из Березы.** Перевод с украинского. «Молодая гвардия». 1954 г. 208 стр. Цена 5 р. 60 к.

ГАМЗАТОВ Р. **Год моего рождения. Стихи и поэмы.** «Молодая гвардия». 1952 г. 95 стр. Цена 3 р.

ГАМЗАТОВ Р. **Стихотворения и поэмы.** Гослитиздат. 1954 г. 298 стр. Цена 6 р. 10 к.

ДОРОШКО П. **Юг и север. Стихи.** Перевод с украинского. «Советский писатель». 1953 г. 130 стр. Цена 2 р. 75 к.

ДУДИН М. **Стихотворения. Поэмы.** «Советский писатель». 1954 г. 205 стр. Цена 4 р. 50 к.

КИРСАНОВ С. **Сочинения в 2-х томах.** Гослитиздат. 1954 г. Том I. 272 стр. Цена 7 р. 90 к., том II. 300 стр. Цена 8 р. 70 к.

ЛУГОВСКОЙ В. **Пустыня и весна. Стихи.** 1931—1952. «Советский писатель». 1953 г. 207 стр. Цена 5 р. 10 к.

СУРКОВ А. **Стихотворения, песни, переводы.** Сочинения в 2-х томах. Гослитиздат. 1954 г. Том I. 340 стр. Цена 7 р. 55 к., том II. 368 стр. Цена 7 р. 85 к.

ТВАРДОВСКИЙ А. **Послевоенные стихи.** 1945—1952 гг. «Молодая гвардия». 1952 г. 111 стр. Цена 2 р. 75 к.

ТИХИЙ Н. **Проходчики. Стихи.** Авторизованный перевод с украинского. «Советский писатель». 1953 г. 112 стр. Цена 2 р. 30 к.

УПЕНИК М. **Краснодонская тетрадь. Стихи.** Перевод с украинского. «Советский писатель». 1953 г. 86 стр. Цена 1 р. 80 к.

В книжных магазинах всегда имеется большой выбор книг стихов. Регулярное посещение книжных магазинов даст вам возможность приобрести нужные для вас поэтические произведения.

ГЛАВКНИГОТОРГ.